

УДК 94 (480)“1900-1917”+94(497.1)“1900-1917”

ШЕВЦОВА Галина Игоревна — к.и.н., советник президента Мирового общественного форума «Центр национальной славы» (105062, Россия, г. Москва, ул. Покровка, 42, стр. 5-5а; drugarica@rambler.ru)

«НЕ ПОЛНАЯ УДАЧА» ДНЯ СЛАВЯНСКИХ ФЛАГОВ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ (1912 г.)

Аннотация. Борьба балканских народов за свое освобождение от турецкого владычества (1912–1913) вызывала искреннее сочувствие в российском обществе. Учитывая этот фактор, тема помощи славянам использовалась различными оппозиционными партиями для привлечения внимания к своей деятельности. На этой волне активизировалась и работа славянских организаций. Это касалось не только старейших из них, например, Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества, но и вновь образованных – Московского славянского комитета и Общества славянского научного единения. День славянских флагов, объявленный Обществом славянского научного объединения под влиянием либералов, был призван не только оказать практическую помощь балканским славянам и грекам, но и продемонстрировать значимость «всех прогрессивных сил». Результаты мероприятия оказались более чем скромными из-за неверного выбора целевой аудитории, находившейся под влиянием социал-демократов.

Ключевые слова: Общество славянского научного единения, День славянских флагов, балканские войны (1912–1913), В.М. Бехтерев, кадеты, П.Н. Милюков

Всплеск интереса российского общества к освободительному движению против Османской империи с самого начала Первой балканской войны (1912–1913) заставил обратиться к теме гуманитарной помощи балканским славянам и грекам не только проправительственные партии и организации, но и оппозицию. Исключение составили крайние левые движения, считавшие, что славянофильские настроения общества не соответствуют взглядам демократических классов¹, а «славянские задачи» России отвлекают от решения внутренних задач [Ленин 1961: 138].

В начале ноября 1912 г. лидер кадетов П.Н. Милюков призвал «русское прогрессивное общество» к пожертвованиям в пользу славян. Он недоумевал, почему на эту тему не высказываются русские либералы, почему славянам не выказывают сочувствие представители «настоящей» России в лице прогрессистов². По-видимому, одной из причин этого выступления П.Н. Милюкова стали впечатляющие итоги «Славянского дня» в Москве, организованного Московским славянским комитетом. Он возник в первые дни балканских событий как благотворительная организация, но очень быстро стал двигаться в сторону политической партии.

Петербургские либеральные круги не хотели уступать пальму первенства москвичам. Политические партии, в т.ч. кадеты, по законодательству Российской империи не могли проводить сборы средств в пользу сражающихся за свою свободу балканских славян и греков, в этом деле требовался союзник среди славянских организаций.

Как раз в это время Общество славянского научного единения готовилось провести свое первое крупное мероприятие – День славянских флагов, посвященный сбору в пользу семейств убитых и раненых на Балканах. П.Н. Милюков и его сторонники посчитали, что «из всех организаций, посвященных славян-

¹ Голос Москвы. 1912. 30 октября. С. 5.

² Земщина. 1912. 6 ноября. С. 2.

ству», именно это «вызывает наименьшие возражения со стороны прогрессивных элементов»¹.

Устав этой организации был зарегистрирован в начале ноября 1912 г. Она возникла на базе «Славянского комитета», учрежденного академиком В.М. Бехтеревым за несколько лет до интересующих нас балканских событий на медицинском факультете Санкт-Петербургского университета и объединявшего в основном социал-демократическую молодежь.

Общество славянского научного единения ставило своей целью способствовать знакомству и общению между собой славянских ученых различных специальностей, их взаимному ознакомлению с научными трудами, создавать условия для совместной работы, а также содействовать распространению в обществе сведений о научно-культурной и художественной жизни славянства².

В Общество славянского научного единения входили известные либеральные деятели и профессора-слависты. К нему примкнула и часть членов Общества славянской взаимности. Председателем общества стал В.М. Бехтерев, его секретарем – Д.И. Семиз.

В.М. Бехтерев надеялся, что организация сосредоточится на научной и культурной деятельности, совершенно исключив политику. Но Первая балканская война (1912–1913) внесла свои коррективы. Будучи в принципе противником войны, В.М. Бехтерев пришел к выводу, что в данном случае можно говорить об освободительном движении на Балканах и что «при нынешних условиях жизни война, как и восстание, есть неизбежный акт самообороны»³.

Поэтому вскоре после начала Первой балканской войны Общество развернуло широкую агитацию за моральную и материальную помощь балканским народам. Министерство внутренних дел отреагировало немедленно, указав, что по Уставу дело организации – наука, а не политика. Но члены нового славянского общества были настроены решительно [Semiz 1929: 219].

Свою деятельность в деле помощи балканским славянам и грекам члены Общества славянского научного единения решили начать со сбора средств в пользу армий, воюющих против Турции, а также организовать цикл лекций в столице и провинции на славянские темы⁴.

Первый цикл лекций начался в Петербурге уже 1 ноября 1912 г. выступлениями М.М. Ковалевского и П.А. Лаврова на тему «О сербском вопросе»⁵. Следующие лекции на славянские темы состоялись 5 ноября. На этот раз спикерами выступили член Государственной думы А.И. Шингарев и секретарь общества Д.И. Семиз.

За короткий промежуток времени было организовано еще несколько лекций и культурных мероприятий, но собрать значительное количество средств не удавалось. Требовался какой-то прорыв, который позволил бы организации заявить о себе как о новой силе в славянском движении. Тогда возникла идея провести 12 декабря 1912 г. в Санкт-Петербурге День славянских флагов, которую, как мы знаем, поддержали петербургские либералы.

В организационный комитет и ревизионную комиссию, кроме членов Общества славянского научного единения, вошли видные общественные дея-

¹ Речь. 1912. 9 (22) декабря. С. 2.

² Центральный государственный исторический архив (ЦГИА). Ф. 2265 (Бехтерев В.М.). Оп. 1. Д. 1202. Л. 1.

³ ЦГИА. Ф. 2265 (Бехтерев В.М.). Оп. 1. Д. 1150. Л. 11.

⁴ *Московские ведомости*. 1912. 14 (27) октября. С.3.

⁵ Речь. 1912. 2 (15) ноября. С.3.

тели М.М. Ковалевский, сенатор В.С. Иванов, члены Государственной думы П.И. Милуков, А.И. Шингарев, Ф.И. Родичев и др.¹

Подготовка Дня славянских флагов велась с размахом и широко освещалась в печати. Для продажи было заказано 600 000 сербских, черногорских, греческих и болгарских флагов.

Основная ставка организаторов была сделана на привлечение образованной демократической молодежи. Накануне дня сбора к столичной молодежи обратился П.Н. Милуков. Призывая к участию в мероприятии, лидер кадетов постарался отвести все возможные возражения: «Собранные деньги будут непосредственно направлены в распоряжение Красного Креста Болгарии, Сербии, Черногории и Греции... И принципиальный противник войны может и должен принять посильное участие в смягчении ее губительных последствий. И если славянские организации старого типа неразрывно связали себя с идеями религиозной и национальной розни, которые претят молодежи, то от этих идей по самому смыслу своей задачи свободно Общество научного единения»².

Социал-демократические газеты «Правда» и «Луч», решительно осудив идею сбора, разместили ряд материалов против участия в Дне славянских флагов под лозунгами: «Ни гроша!», «Мы против войны!», «Война войне!»

Тем не менее День славянских флагов вызвал в Петербурге живой интерес. Жители столицы и пригородов активно принимали участие в его мероприятиях. А вот финансовые результаты сбора оказались довольно скромными. «Земщина» по этому поводу написала, что «симпатичная цель общества, к сожалению, омрачилась той партийностью, которую устроители внесли в это дело. Например, они отклонили предложение черняевского комитета (был организован с целью сбора средств на санитарный отряд для отправки в Сербию при Славянском благотворительном обществе. — *Г.Ш.*) общими усилиями устроить однодневный сбор в пользу славян. Публика, тем не менее, охотно покупала флажки, движимая симпатиями к славянам»³.

Итоги Дня славянских флагов были подведены на заседании организационного комитета 22 декабря 1912 г. под председательством академика В.М. Бехтерева. Сбор от продажи славянских флагов составил 34 117,12 руб., пожертвования деньгами — 3 000 руб. Концерт, устроенный обществом, дал еще 1 600 руб. По официальным данным, чистый сбор от Дня славянских флагов составил 31 000 руб.⁴ Это было значительно меньше, чем удалось собрать Московскому славянскому комитету на аналогичном мероприятии 12 ноября 1912 г.⁵

Предложение П.Н. Милукова считать результат Дня славянских флагов «не неудачей, а не полной удачей»⁶ изменить политические итоги этого мероприятия не могло: молодежь, находившаяся под влиянием социал-демократии, призывы либералов не поддержала.

Собранные средства по решению оргкомитета Дня славянских флагов были направлены славянским национальным обществам Красного Креста через ректоров соответствующих университетов⁷.

В марте 1913 г. В.М. Бехтерев получил благодарственные телеграммы от сербского короля Петра и черногорского короля Николая, присланные в

¹ Речь. 1912. 4 (17) декабря. С. 6.

² Речь. 1912. 9 (22) декабря. С. 2.

³ Земщина. 1912. 13 декабря. С. 3.

⁴ Речь. 1912. 15 (28) декабря. С. 8.

⁵ Московские ведомости. 1912. 2 (15) ноября. С. 3.

⁶ Речь. 1912. 19 декабря (1913. 1 января). С. 2.

⁷ Речь. 1912. 23 декабря (5 января 1913). С. 4.

ответ на пожертвование Обществом сумм в пользу семей убитых и раненых на войне¹.

Таким образом, несмотря на энергичные усилия Общества славянского научного единения, День славянских флагов принес довольно скромные плоды. Желание под влиянием петроградских либералов придать мероприятию оппозиционный характер, отмежеваться от славянских организаций «старого типа» и объединить «прогрессивные силы» на волне искреннего сочувствия к сражающимся славянским братьям отразилось на масштабах мероприятия. Организация Дня славянских флагов подверглась критике как слева, так и справа.

Ставка на образованную демократическую молодежь также себя не оправдала. Она находилась под влиянием социал-демократии и в Дне славянских флагов участия не приняла.

Общество славянского научного единения выводы сделало и, учитывая потенциал своих членов, сосредоточилось на научной и просветительской деятельности. Его члены были замечены на публичных мероприятиях как собственно Общества, так и других славянских организаций, в основном с лекциями на актуальные темы. Фактически День славянских флагов оказался самым крупным мероприятием Общества славянского научного единения.

Список литературы

Ленин В.И. 1961. *Ко всем гражданам России*. ПСС. Т. 22. С. 137-139.

Semiz D. 1929. *Pred zoru velikih dana*. — *Nova Evropa*. № 8. С. 216-224.

SHEVTSOVA Galina Igorevna, *Cand.Sci.(Hist.)*, Advisor to the President of World Public Forum «National Glory Centre» (42 / 5-5a Pokrovka St., Moscow, Russia, 105062; drugarica@rambler.ru)

«NOT A COMPLETE SUCCESS» OF THE DAY OF SLAVIC FLAGS IN ST. PETERSBURG (1912)

Abstract. *The struggle of the Balkan peoples for their liberation from Turkish sway (1912–1913) caused sincere sympathy in the Russian society. Considering this factor, various opposition parties used the theme of assistance to the Slavs to draw attention to their activities. On this wave the work of various Slavic organizations was intensified. It concerned so the oldest of them, for example, the St. Petersburg Slavic Benevolent Society, as the newly formed – the Moscow Slavic Committee and the Scientific Slavic Unity Society. The Day of Slavic flags, announced by the Scientific Slavic Unity Society under the influence of the liberals was intended not only to provide practical assistance to the Balkan Slavs and Greeks, but also to demonstrate the power of «progressive forces». The results of the event were more than modest due to the wrong choice of the target audience, which had been under the influence of the social democrats.*

Keywords: *Scientific Slavic Unity Society, Day of Slavic flags, Balkan wars (1912–1913), V.M. Bekhterev, constitutional democrats (cadets), P.N. Milyukov*

¹ *Санкт-Петербургские ведомости*. 1913. 12 (25) марта. С. 4.

УДК 94:003.081.3

СУМАРОКОВА Ольга Леонидовна — к.и.н., докторант Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б.Н. Ельцина (720000, Кыргызская Республика, г. Бишкек, ул. Киевская, 44; futureya@rambler.ru)

К ВОПРОСУ О ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКЕ АДМИНИСТРАТИВНЫХ СЛУЖАЩИХ ТУРКЕСТАНСКОГО КРАЯ

Аннотация. В статье рассматривается ситуация, сложившаяся в Туркестанском генерал-губернаторстве Российской империи в связи с нехваткой квалифицированных кадров со знанием языков коренных народов региона для службы в административной и судебной сферах края. Прибегая к услугам местных толмачей и многократно констатируя факты их недобросовестной работы, администраторы края пребывали в постоянном поиске новых форм и методов привлечения внимания туркестанского чиновничества к туземным языкам. Однако усилия не приносили ожидаемых результатов, что обуславливало подрыв авторитета русской власти в глазах местного населения, а также тормозило имперские культуртрегерские проекты, ориентированные на модернизацию региона. В статье рассмотрены причины индифферентности российского чиновничества к лингвистическим и экстралингвистическим вопросам, а также непоследовательности органов власти в преодолении сложившихся обстоятельств.

Ключевые слова: Туркестанский край, Российская империя, административные служащие, чиновничество, лингвистическая подготовка, толмачи, переводчики, туземные языки, «мягкая сила»

В связи с учреждением 11 июня 1867 г. Туркестанского генерал-губернаторства, включавшего обширные территории Средней Азии, остро осознанной стала нехватка лиц, знакомых с местными языками, нравами и обычаями народов края, а также с естественноисторическими и торгово-промышленными условиями в Средне-Азиатском регионе. Генерал-лейтенант, военный востоковед, историк и лингвист М.А. Терентьев в предисловии к своему лингвистическому труду «Грамматики турецкая, персидская, киргизская и узбекская» (1875 г.) правомерно указывал на то, что «Россия заключает в себе до 8 000 000 людей, говорящих наречиями тюркского и персидского корня. Большую часть своих границ Россия соприкасается к странам, где господствуют восточные языки. <...> Все это, казалось бы, должно было поставить восточные языки на степень необходимых в числе предметов, преподаваемых в наших школах, а между тем это не так ...» [Грамматики... 1875: 1].

К концу XIX в. русских людей, проживавших в Туркестанском крае, которые усвоили местные наречия, обычаи, историю и этнографию, как показывали опросы, были единицы. При выяснении мотивов, подвигнувших их на такое изучение, оказалось, что русский купец изучал язык, чтобы его не обманул маклер-сарт, а служащие путем изучения языка стремились избавиться от переводчиков и сберечь затрачиваемые на их наем деньги.

Впервые вопрос о том, что в основе изучения туземных языков Туркестанского края должен лежать не только узколичностный мотив, но и просоциальный, связанный с осознанием общественной пользы от результатов данной деятельности, был поставлен на одном из общих собраний членов Ташкентского отделения общества востоковедения. Как было заявлено, «для упрочения русского влияния в крае необходима двойная работа, движение навстречу друг другу двух главных групп местного населения» [Лыкошин 1916: 28], т.е. как изучение русского языка коренными жителями Туркестанского края, так и знакомство с туземными наречиями служилого русского люда.

Факт незнания туземных наречий многими служащими администрации Туркестанского края был отмечен в приказе туркестанского генерал-губернатора за № 46 от 1906 г. как «явление ненормальное и требующее воздействия со стороны высшей власти в крае» [Лыкошин 1916: 31]. Приказ при этом не упоминал о необходимости знания туземных языков для других служащих в крае, а между тем оно являлось столь же необходимым землемеру, лесничему, врачу, судье и следователю, вынужденным прибегать в своей работе к услугам толмачей. «А уж хуже этого, — отмечал Терентьев, — трудно что-нибудь придумать» [Грамматика... 1875: 1-2].

Как правило, должность переводчика занимали сибирские, оренбургские киргизы и татары — выходцы из Казани, уклонявшиеся от рекрутского набора: «проходимцы, смелые авантюристы, люди грубые, без всякого понятия о нравственности и справедливости»¹. В периодической печати конца XIX в. нередко появлялись заметки о «скудности их нравственных качеств». «Соврать, перевернуть, умышленно передать другое и тут же на глазах в присутствии самого чиновного лица научить своего клиента туземца, что следует отвечать на слова противника или должностного лица — дело совершенно легкое для этих пройдох-переводчиков, знающих скольконибудь наши законы и слывающих в туземной среде за законников»², — сообщалось в одной из статей. Очень скоро народ убедился, что «тальмач» всемогущ и имеет больший вес и кредит в среде туземцев, чем сами начальники-чиновники.

Не меньшим злом являлась невежественность переводчиков. В.П. Наливкин в очерке «Туземцы раньше и теперь» констатировал факт, что волостные управители и казии, получая бумаги, написанные этими переводчиками, часто были не в состоянии разобрать, о чем в них идет речь, причем было отмечено несколько случаев, когда из-за некачественного перевода «наш [русский] суд впадал в грубые ошибки, осуждая безусловно невинных людей» [Наливкин 1913: 60-61].

Данные обстоятельства неминуемо вели к подрыву авторитета русской власти в крае. Саттар-хан Абдулгафаров, «ученый туземец», первый коренной туркестанец, освоивший русский язык, называл деятельность подобных переводчиков «первым далеко не [без]вредным орудием по управлению краем», акцентируя внимание еще на одной их наклонности: «делая перевод с русского языка на туземный, все советы, пояснения или увещевания властей передаются почему-то непременно в духе приказа, причем этому способу передачи слов начальника придают особый оттенок, иногда даже весьма резкий, не терпящий никакого возражения или объяснения со стороны туземцев. Так что туземец, слыша слова переводчика, приходит в замешательство и робость и уходит с упавшим духом, вполне веря, что это исходит от начальства» [Арапов 2004: 174].

За этими «нужными» для администрации и туземцев людьми вскоре закрепилась столь некрасивая репутация, что звание переводчика, совмещавшее в себе представления о невежестве, пролазничестве и продажности, сделалось почти позорным [Наливкин 1913: 60].

Противодействовать такому положению дел, казалось, можно было с большим успехом. Для начала достаточным представлялось, чтобы «из лиц благонамеренных, отличающихся хорошою, нравственною жизнью, подготовлялись порядочные переводчики», обучение которых успешно стало осуществляться с 1883 г. на курсах восточных языков, учрежденных для офицеров при учебном отделении восточных языков Азиатского департамента МИДа, и в Ташкентской офицерской

¹ Стремоухов Н. Туркестан и его жизнь. — *Восточное обозрение*. 1882. № 19. С. 5.

² Письма из Туркестана. — *Восточное обозрение*. 1882. 9 сентября. № 24. С. 8-9.

школе восточных языков, а также чтобы «русские, служащие в Туркестанском крае, также не брезгали туземными наречиями»¹.

Первые усилия в попытке преодолеть инертность служащих администрации и привлечь их внимание к туземным наречиям были приложены Н.О. Розенбахом, который 21 февраля 1884 г. был назначен на должность туркестанского генерал-губернатора. В своих «Записках» он говорил о том, что, «желая по возможности содействовать распространению русского языка в населении», он вместе с тем «требовал от чинов русской администрации, имеющей непосредственные сношения с туземцами, изучения туземных наречий» [Записки... 1916: 192]. Для этого в 1886 г. в областных городах им были учреждены курсы изучения сартовского языка, что в итоге оказалось не слишком эффективной мерой. А чуть ранее, в 1883 г., курсы по изучению местных языков для русскоязычного населения уже были открыты в Ташкентской учительской семинарии.

Как следует из воспоминаний Н.С. Лыкошина, действовавшие в Ташкенте под руководством талантливого лектора В.П. Наливкина курсы для офицеров и чиновников 2 года подряд собирали по 50 человек слушателей. Обучение языку сопровождалось и иллюстрировалось беседами о туземных обычаях и декламацией стихов, но в конце каждого семестра оставалось 2–3 человека, у остальных же не хватало терпения посвящать свои досуги изучению чуждого языка только ради чистого знания. Кроме того, по условиям жизни и служебной работы в уездах во многих уездных городах организация курсов для изучения туземных языков оказалась совершенно невозможной.

Образованная в 1906 г. комиссия по вопросу о распространении среди служащих знания местных наречий считала, что этого можно добиться, к примеру, от офицеров посулами выгод, связанных с переходом на службу в администрации. Однако выгоды службы в администрации оказались не настолько велики, чтобы побудить достаточное число офицеров приступить к изучению языка.

Воспользоваться опытом британского правительства в Индии, состоявшим в выплате регулярных премий в размере 500 рупий служащим за знание тибетского языка, предлагал Н.С. Лыкошин. «Денежные премии и полная свобода выбора способов изучения требуемых для получения премии предметов дадут более ощутительные результаты, чем курсы» [Лыкошин 1916: 34–35], — убеждал он. Мотивация в этом вопросе должна была сыграть не последнюю роль. Работая над проектом русско-туземных школ, туркестанские администраторы смогли лично убедиться, насколько важно было сформировать у местного населения мотивационный комплекс к изучению русского языка, в основе которого лежало осознание полезности владения языком и перспектив личностного развития [Сумарокова 2015: 229].

Предлагая отдать лингвистическую подготовку на откуп соискателям должностей, Лыкошин, исходя из личного опыта, считал разумным требовать от них в 3-летний срок минимума знаний, который включал бы умение вести беседу с просителями, читать их прошения, писать и объявлять резолюции, а кроме того, запас сведений о быте, обычаях, истории и юриспруденции местных мусульманских народностей в объеме, обусловленном служебными потребностями соискателя должности.

Отсутствие у служащих Туркестанского края экстралингвистических знаний отчасти являлось причиной того, что ни один масштабный проект по изменению системы контроля над духовной жизнью туркестанских мусульманских подданных так и не был реализован. Индифферентно относясь ко всем проявлениям туземной жизни, администраторы очень охотно удовлетворялись готовыми фор-

¹ Стремоухов Н. Указ. соч. С. 6.

мулами, услужливо преподносившимся «знатоками» туземного мира, не знавшими ни языка, ни религии, ни быта, ни истории коренных народов и выдавшими последних лишь из окон своих квартир или канцелярий.

В изданном 8 августа 1898 г. циркуляре № 10 С.М. Духовской признавался, «что многие из лиц служащие как в войсках так равно по административно-полицейскому и другим отделам гражданского управления Туркестанского края, недостаточно знакомы с самыми существенными чертами ислама и обуславливаемой им организацией религиозного быта мусульманского населения, определяющего собой весь порядок их внутренней жизни. Между тем при соприкосновении всякого рода властей с туземцами и их жизнью подобные знания оказываются существенно необходимыми для избежания различных недоразумений и иногда крупных промахов»¹.

Одним из самых глубоких заблуждений, фактически обусловившим бесконтрольность функционирования в течение всего имперского периода мусульманских конфессиональных школ Туркестанского края, на наш взгляд, являлась уверенность в том, что «мусульманство как догмат ничтожно и не представляет ничего опасного нашим (государственным. — О.С.) целям»².

Спустя 4 десятилетия ситуация не претерпела существенных изменений. Самостоятельно овладевали языками народов Туркестанского края единицы энтузиастов. Н.П. Остроумов в 1910 г. с прискорбием признавал, что большинство русских, проходивших службу в Туркестанском крае, оказались плохими культуртрегерами, «не только не подготовленными к своей службе в иноплеменном и иноверном крае, но и не стремящимися выходить из узкой рамки чиновников, смотрящих на службу в Туркестане, как на этап в своей служебной карьере» [Остроумов 1910: 159].

Проблема крылась не только в поведенческих особенностях русского чиновничества, остро высмеянных русскими классиками, но и в инертности органов власти, так и не пришедших к осознанию того, что наряду с экспортом российского образования, продвижением русского языка и распространением общероссийских культурных ценностей в Средней Азии, создание условий для овладения служилым людом Туркестанского края языками местных народов являлось столь же эффективным и необходимым инструментом реализации здесь «мягкой силы», способной кардинально изменить результаты конфессиональной и образовательной политики Российской империи в регионе.

Список литературы

Арапов Д. 2004. «Необходимо... заняться образованием края» (Саттар-хан Абдулгафаров о задачах русской политики в Средней Азии). — *Вестник Евразии*. 2004. № 1. С. 169-184.

Грамматики турецкая, персидская, киргизская и узбекская. В 2 кн. (сост. М. Терентьев). 1875. СПб: Типография императорской академии наук. Кн. 1. 209 с.

Записки Н.О. фон-Розенбаха. 1916. — *Русская старина*. № 5. С. 173-239.

Лыкошин Н.С. 1916. *Полжизни в Туркестане. Очерки быта туземного населения*. Петроград: Тип. Б.Д. Брунера. 415 с.

Наливкин В.П. 1913. *Туземцы раньше и теперь*. Ташкент: Электрическая типо-литография «Туркестанского Товарищества Печатного Дела». 146 с.

Остроумов Н. 1910. Колебания во взглядах на образование туземцев в

¹ Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУз). Ф. И-1. Оп. 11. Д. 1724. Л. 2.

² Проект всеподданнейшего отчета Ген.-Адъютанта К.П. фон-Кауфмана по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского Генерал-Губернаторства. 7 ноября 1867 — 25 марта 1881 г. СПб, 1885. С. 177.

Туркестанском крае (Хронологическая справка). – *Кауфмановский сборник, изданный в память 25 лет, истекших со дня смерти покорителя и устроителя Туркестанского края генерал-адъютанта К.П. фон-Кауфмана I-го*. М.: Типо-литография Т-ва Кушнерев и К°. С. 140-161.

Сумарокова О.Л. 2015. *Эволюция языковой политики Российской империи в Туркестанском крае (по материалам Киргизстана)*. Бишкек: Изд-во КРСУ. 265 с.

SUMAROKOVA Olga Leonidovna, *Cand.Sci.(Hist.)*, Doctoral Candidate, Kyrgyz-Russian Slavic University named after B.N. Yeltsin (44 Kievskaya St, Bishkek, Kyrgyz Republic, 720000; futureya@rambler.ru)

TO THE QUESTION OF LINGUISTIC TRAINING OF ADMINISTRATIVE OFFICIALS OF TURKESTAN

Abstract. The article discusses the situation in the Turkestan due to lack of qualified personnel with knowledge of languages of indigenous peoples to serve in administrative and judicial spheres of the province. Resorting to the service of local interpreters and repeatedly stating the facts of their unsatisfactory execution, administrators of the region were in constant search of new forms and methods of attracting attention of officials of Turkestan to the languages of indigenous peoples. However, efforts in this direction did not bring expected results that determined undermining the authority of Russian power in the eyes of the local population, and inhibited Kulturträger ambitions of the Russian Empire focused on the modernization of the region. The article discusses the causes of indifference of Russian officials to the linguistic and extra-linguistic issues as well as inconsistency of the authorities in dealing with the current circumstances.

Keywords: Turkestan, Russian Empire, administrative employees, officials, language training, interpreters, translators, native languages, soft power

УДК 94(510)08+303

КУРАС Леонид Владимирович – д.и.н., профессор, главный научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (670047, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; kuraslv@yandex.ru)

ВНУТРЕННЯЯ МОНГОЛИЯ В СОСТАВЕ ИМПЕРИИ ЦИН: ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО (XVII – НАЧАЛО XX в.)

Аннотация. В статье рассматривается внутренняя политика династии Цин и взаимоотношения органов власти Китая и Внутренней Монголии в период маньчжурской династии, изучается особый режим власти. Отмечается, что в условиях возрастания интереса России и Японии к региону и роста влияния буддизма во Внутренней Монголии сформировался специфический тип общественно-политических отношений.

Ключевые слова: Монгольская империя, Китай, империя Цин, Внутренняя Монголия, Внешняя Монголия, Российская империя, Синьхайская революция

Проблема вертикали власти в Цинской империи является объектом изучения современной отечественной историографии. При этом упор делается на систему управления Внешней Монголии [Бадараев 2015]. Между тем Внутренняя Монголия имела свою, отличную от Внешней Монголии специфику во внутренней политике Цинской империи и уже потому требует специального внимания.